

но может приблизиться к нему, как переводчик, знающий, что многое останется непереверждённым. Она не претендует на объяснение, но предлагает условия понимания.

Молчание тела – не отсутствие смысла. Это другой способ смыслообразования, в котором важна не логика, а плотность момента. Спорт обнажает это особенно ясно: успех часто приходит не к тому, кто лучше понял, а к тому, кто оказался точнее в моменте, телесно соответствовал ситуации.

В этой перспективе философия может быть не объяснением, а приближением. Не интерпретацией, а настройкой внимания. Она может отказаться от контроля и всё же не потерять глубину, если осознает свои границы. Язык невозможного – это язык, признающий собственную немому, но не отказывающийся от поиска.

7. Заключение: горизонт разума за пределом рационального

Тренировка, техника, интуиция, трансцендентные состояния – всё это формирует особую область, где знание не формулируется, а проживается. Оно телесное, мгновенное, ситуативное. Оно не стремится к универсальности и в этом – его глубина. Оно не поддаётся передаче, но передаётся. Не описывается, но узнаётся.

Такое знание сопротивляется философской фиксации. Но именно поэтому оно заслуживает философского внимания. Не как объект теории, а как вызов самой теории: что может философия, когда теряет язык, но сохраняет интерес?

В этом тексте сделана попытка не объяснить спорт, а приблизиться к нему философски – без иллюзии полного понимания, но с уважением к его онтологической плотности. Тело – не объект, а соавтор. Тренировка – не процесс, а язык. Тренер – не функция, а фигура передачи. Интуиция – не предчувствие, а форма знания. А философия – не объяснение, а медленное движение к тому, что остаётся за пределами логики.

Список использованной литературы:

1. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. I / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1990. — 860 с.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. — М.: Ad Marginem, 1999. — 480 с.: ил.
3. Descartes, R. *Meditations on First Philosophy & Other Metaphysical Writings*. — London: Arcturus, 2021. — 284 p. — ISBN 978-1-83857-479-6.
4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. 1962. Routledge & Kegan Paul. Перевод: М.: Наука, 1999. — 560 с.
5. Polanyi M. *The Tacit Dimension*. — Revised ed. — Chicago: University of Chicago Press, 2009. — 128 p. — ISBN 978-0-226-67298-4.
6. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. — 2nd revised ed. — Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. — 388 p. — ISBN 978-0-262-52936-5.

УДК 304.2

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Темиргалиев Кудайберген Абаевич

Карагандинский технический университет им. Абылкаса Сагинова
кандидат философских наук, ассоциированный профессор,

Караганда, Казахстан

Джамалиева Газиза Жумагалиевна

Карагандинский национальный исследовательский университет имени академика Е.А.Букетова
кандидат социалагических наук, ассистент профессора, Караганда, Казахстан

В настоящее время в мировом научном сообществе становится популярной концепция глобального общества, которое изменяет мир радикальнее и быстрее, чем все и научные открытия прежних веков. Поэтому место и роль глобализации в современной науке не могут быть поняты без анализа его влияния, на ментальность, культуру этносов, участвующих в этом процессе. От того, как в условиях глобализации изменяются мотивы, ценности, ориентацией ее современников, в конечном итоге зависит историческое развитие человека.

Одним из наиболее активно обсуждаемых в мировой науке последствий глобализации является обострение проблемы культурной идентичности.

В современном глобализирующемся обществе культурная идентичность - одна из наиболее злободневных тем в философии, науке, культуре, общественной жизни. Это обстоятельство связано, прежде всего, с современными глобальными процессами и развитием демократических ценностей, принципов плюрализма и единства культурных ориентаций и проявлений, каждое из которых обладает своими собственными, уникальными достоинствами.

Проблема идентичности вообще и культурной идентичности, в частности, появилась довольно давно, однако особую остроту получила в последние десятилетия, когда глобализация приобрела наибольший размах и интенсивность. На повестку дня в этих условиях встала проблема сохранения национально-культурного своеобразия многочисленных народов Земли перед лицом натиска глобально-нивелирующих тенденций в культуре.

Кроме того, культурная идентичность есть аспект аккультурации во многих государствах, возникших или возродившихся в последнее десятилетие XX века.

Интерес к проблеме культурной идентичности проявляют и у нас в республике, и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Тема культурной идентичности и проблема идентификации индивидов в культуре социума актуальна еще и по той причине, что идею культурной идентичности иногда стремятся использовать в неподобающих целях, например, целях политической конъюнктуры. Тогда начинают говорить, например, о культурной или духовной «безопасности», используя это понятие в корыстных прагматических целях и нарушая законы демократического государства о правах и свободах каждой личности.

В последние годы складывается не лишнее оснований впечатление, что вопрос идентичности сейчас даже актуальнее и острее, чем, например, проблемы, связанные с политической реформой.

На Западе в прошлом столетии особую, можно сказать, смыслообразующую роль в постановке и разработке проблемы идентичности сыграл видный философ и психолог Э. Эриксон [1-3]. Его труды положили начало широким исследованиям в данной области и сформировали большую научную школу, существующую поныне.

В странах Западе проблемы соотношения идентичности и культуры рассматривается во многих крупных исследованиях, в которых делается вывод о разновекторных идентификационных стратегиях и ориентациях в условиях современной глобализации: от идентичности, нацеленной на самореализацию человека, до идентичности, нацеленной на навязывание ее другим; от классовой идентичности добесклассовой, космополитической и т.д. [4-5].

В Турецкой республике Зия Гёкалп идентичность рассматривает с позиции Принципов Тюркизма. «Формирование культурной идентичности должна быть построена путем объединения людей с цивилизацией, интеллектуалы, получившие европейское образование, будут нести цивилизацию людям; люди будут преподавать национальную культуру, которую они не знают, так что дорожная карта созданной новой республики будет нарисована в этих измерениях» [6].

Современное понимание «идентичности» критично само по себе; при этом критика развивается в двух направлениях. Первая линия критики утверждает, что необходимо употреблять термин «идентичность» во множественном числе, имея в виду «разные идентичности» личности. Другая критическая традиция принуждает нас сместить фокус внимания с жесткого понятия «идентичность» на более гибкое «идентификация». Однако смещение от единственного числа к множественному не решает теоретическую проблему, а просто указывает на спорность самого понятия «идентичность».

Наиболее активно разрабатывали проблему идентичности в конце восьмидесятых годов Л. Гозман и А. Эткинд. На постсоветском пространстве многие вплотную занимаются разработкой широкого спектра проблем, связанных с идентичностью, в том числе в социально-философском плане [7].

В Казахстане проблема культурной идентичности рассматривалась до последнего времени больше косвенно, чем в качестве непосредственного предмета исследования. Тем не менее, уже и в предшествующие годы и десятилетия имелись определенные достижения. При этом нельзя не учитывать наработок, связанных с проблемой идентичности личности и ее социального статуса в трансформирующемся современном обществе [8; 20].

Процесс глобализации не только перемешивает этносы и перемещает людей и культуры, но еще и создает новые идентичности и аффилиации как в терминах конфликта, так и в терминах

сотрудничества. Похоже на то, что в диалектическом столкновении интересов между идентичностью локальной и идентичностью глобальной развивается новый тип сознания по поводу относительных выгод и слабостей обеих указанных идентичностей. Иногда то, что кажется специфичным и локальным, оказывается объектом глобального интереса, а то, что кажется глобальным, легко циркулирует на локальном рынке. В такого рода ситуации, когда локальное и глобальное имеют место быть, перехлестывая друг друга, дискуссии о различии идентичностей становятся все более интенсивными. В мультикультурных обществах проблема идентичности занимает центральное положение в академических дебатах.

В современном мире размыты границы как локальных культур, так и культуры вообще. Размыто и неопределенно пока еще и направление глобализации. Поэтому разрешение проблемы культурной идентичности будет связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с опорой культуры на подлинно человеческие, духовно-нравственные начала, независимые от диктата и конъюнктуры глобализма. Во-вторых, с установкой на творение новых культурных образцов, отвечающих, с одной стороны, общему духу человеческого личностного разнообразия, а с другой - новым реалиям меняющейся человеческой цивилизации.

В последнее время обсуждаются идея создания союза тюркских народов на основе близости языка, религии и культуры. Это родственные народы, обладающие языковой, культурной и исторической общностью. Включение в состав нации представителей нетюркских народов возможно только при условии их полной тюркизации под влиянием тюркской культуры.

Анализируя ситуацию сложившуюся в мировом сообществе для данных государств кризис современности означает, прежде всего, проблему выбора собственного пути развития культуры. Поэтому возникает вопрос, существует ли у них стремление и основание относить себя всецело к Азии и Востоку или, напротив, - всецело к Европе и Западу. Ответ на это заключается в том, что, скорее всего, преобладает ориентация евро-азиатская, или евразийская.

Если все государства стремятся вперед, по пути исторического прогресса в том смысле этого слова, как они сами склонны его интерпретировать.

Двигаясь своим путем, разумеется, не должно означать возвращения к кочевому образу жизни, к традиционной культуре во всех ее прежних проявлениях. Это означает выбрать, нащупать, почувствовать и осуществить то, что предназначено нации в большом историческом времени, а значит, и на перспективу будущего.

Может быть, данным республикам нужна мусульманская или вообще восточная модель культурной идентичности?

На этот вопрос следует отвечать с известной долей осторожности. На традиционном Востоке (особенно в Индии и Китае) личность, или «я» элиминируется, так как идентичность здесь соизмеряется с родом, родовой принадлежностью, а также со степенью слитности человеческого индивида с абсолютным мировым первоначалом, будь это Дао, Брахман или что-нибудь еще.

Что касается ислама, то одним из важных моментов в его вероучении является своеобразное истолкование нации и гражданства. Согласно шариату, исламская нация - это умма. Понимание термина «умма» в том плане, что народ есть носитель единой веры ислама, всегда остается мощным фактором национальной интеграции.

Следовательно, исламская модель культурной идентичности вряд ли приемлема, во всяком случае - на современном этапе развития. Дело здесь в том, что в громадном разнообразии своих религиозных или антирелигиозных пристрастий никак не подпадают под понятие мусульманской «уммы»: идейно-культурные различия в этом отношении действительно очень велики. Да и сам ислам, как известно, формировался больше как «народный ислам», а его внедрение на территорию происходило довольно тяжело и неоднозначно [9]. Кроме того, современные вызовы призывают построить государство не религиозного, а светского характера.

Сегодня многие представители различных этносов склонны отождествить, идентифицировать себя с представителями тюркского мира и с арабо-мусульманской культурой. Эта тенденция к культурной идентификации себя с более обширным этническим или, вернее, суперэтническим образованием объясняется, по всей видимости, вызовами современной глобализации.

По какой причине это происходит, если говорить конкретнее? Потому, вероятно, что традиционная культура, хотя и была в истории уникальной, своеобразной, все-таки не имела значительного прямого и непосредственного влияния на развитие культуры всемирной, как это было в случае с культурами Древней Греции, Рима, мусульманского Ренессанса или, скажем, Эпохи

Возрождения в Европе. Вот почему ныне многие стремятся идентифицировать себя с более обширными этническими образованиями, - во всяком случае, такая тенденция просматривается.

Однако это не выход в полном смысле слова. Главное должно быть в том, чтобы не в прошлом, а в настоящем и ближайшем будущем сказали свое культурно-историческое «слово». То есть задача не в том, чтобы пребывать в горделивом сознании достижений своего прошлого, а в том, чтобы, опираясь на него, начать творить культуру новую, отвечающую новым потребностям человеческого сообщества. Иначе говоря, место современных государств в мировой культуре должно определяться не прошлыми достижениями, а нынешними и будущими. Традиционная культура народов должна послужить не застывшим кумиром, идолом, которому нужно поклоняться, а подспорьем, опорой при создании новых, еще невиданных образцов культуры, которые войдут в общую сокровищницу проявлений человеческого духа.

В то же время существует, разумеется, и серьезная опасность, которая сегодня хорошо известна и ясно осознана. «Глобализация бросает вызовы этносам, культурам, цивилизациям. Чтобы в этих условиях не только выжить, но и успешно развиваться, этнос должен вписаться в программу непрерывного обновления и решать задачи национальной модернизации в русле стратегии и тактики устойчивого развития. Только оно может достойно противостоять вызовам и угрозам новой эпохи» [10].

В связи с этим вопросом отметим следующее. Идентичность в современном мире задает норму «антропологического воображения» (О. Генисаретский), т.е. тот образ человека, который «обращается» в рамках данного сообщества. При этом тревожно, что это антропологическое воображение сегодня представлено довольно скудно; к тому же нынешний человек, человек постмодернистской эпохи, сверяет, идентифицирует себя не по своей человеческой сущности, а сам строит некую модель, образ сущности человека, исходя из субъективных предзаданных схем.

Неизбежность конфликта между традицией и модернизаторством, между старой и новой культурной идентичностью совсем не обязательно должно принимать формы острого антагонизма. Этот конфликт может протекать в самых разных формах, начиная с внутрикультурных, даже жанровых, причем они могут иметь достаточно мягкий характер творческой дискуссии. Так или иначе, необходимо стремиться именно к такому развитию событий в области культуры в современную эпоху, которая отмечена серьезными глобализационными процессами и связанными с ними проблемами. В таком случае конфликт прежних, традиционных, и новых ценностей станет не столько конфликтом, сколько стимулом для прогрессивного культурного строительства.

Список использованной литературы:

1. Erikson E. H. Identity and the life cycle. Selected papers. - New York:International Universities Press, 1967. - 171 p.
2. Erikson E.H. The problem of Ego identity // Identity: youth and crisis. – NewYork: W. W. Norton, 1968. - P. 1-73.
3. Erikson E. H. Dimensions of a new identity. - New York: Norton, 1974. -125 p.
4. Alcott L.M., Mendieta E. (Eds.). Identities: Race, Class, Gender, and Nationality. Malden: Blackwell, 2003.
5. Luce E. Joe Biden Should Beware Liberal Identity Politics // Financial Times. 2020. December 15 (<https://on.ft.com/3ntbEUr>).
6. Хусейн Эфе Каратай Национальная идентичность - модернизация и Зия Гёкалп// <https://ulkuocaklari.org.tr/uploads/dergiler/tcaralik2020-rusca.pdf>
7. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону, 1999. - С. 49-124.
8. Артемьев А.И. Социология Личности. - Алматы: КазАТК, Издательство «Бастау», 2001. - 254 с.
9. Шалабаева Г.К. Глобализация и проблемы культурной идентичности //Мультикультурное общество в Казахстане: модели, проблемы, перспективы. -Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2002. С.53-63.
- 10.Акатай С. Мусульманская схоластика и попытки христианизации в Казахской Степи // Адам әлемі Мир человека. 2002. -№ 1. - С.21-25.